

Гера вообще не изъясляла никакого желания сопровождать меня и разделять мои восторги лицедейством природы. Выходила на улицу только по нужде, когда совсем было невтерпёж. Подушечки её лап, непривычные к таймырским температурам, обжигало морозом так, что она, едва успев справиться нужду, падала на снег, как подкошенная, поджав лапы под себя. С трудом удавалось поднять беднягу и помочь ей добежать до дома. После такой прогулки она ещё некоторое время нервно выкусывала застывшие комочки снега, набившегося между её тонкими пальцами, а потом долго и старательно зализывала лапы. Местным же собакам было всё нипочём, они спали у своих будок (у кого таковые имелись) прямо на улице, полностью занесённые снегом. Их густая и длинная шерсть была даже не шерстью, а пухом, который хозяева вычесывали и вязали из него шарфы и шапки.

Против ожидания, животные, увидев друг друга, не стали вилять хвостами и обнюхиваться. Я сразу же поставила перед гостем чашку с едой, но он с укором глянул мне в глаза: нашла-де, чем угостить. И отвернулся.

— Ну, знаешь ли, чем богаты, тем и рады, тоже мне, гурман.

Чашку пришлось убрать. Пёс невозмутимо лёг у дверей, положив на лапы угольно-чёрную с обвисшими лоскутьями губ добродушную морду. Обе собаки молча, без явного проявления каких бы то ни было эмоций, разглядывали друг друга. Потом гость решил, что пора и честь знать, встал и ушёл, оставив на полу большое талое пятно.

Спрашивается, зачем приходил?

Захаживал он к нам с тех пор довольно часто. Аудиенции всегда проходили одинаково: он скрёбся в дверь, его выпускали. По квартире не ходил, ничего не вынюхивал, к Гере приближаться не пытался, полежав какое-то время у порога, с достоинством удалялся, играючи толкнув лапой сначала входную, потом коридорную двери. Наша красотка тоже не стремилась ближе познакомиться, но каждый раз мы были свидетелями, как обе собаки на какое-то мгновение застыли, глядя в глаза друг другу. Эти визиты стали предметом семейных шуток, вот, дескать, платоническая любовь аборигена к заморской леди: а наша-то какова, марку держит, как и подобает благородной даме!

Полярная ночь — не фунт изюма, с гипотетического утра до такого же вечера не покидало ощущение пребывания в полудрёме, а кожа на лице казалась натянутой так, словно её на затылке узлом завязали. Хотелось крепко зажмуриться, протереть глаза, а потом основательно проморгать. Пробовала, легче от этого не становилось.

Заполярные будни, тем не менее, шли своим чередом. Иногда, по выходным, всем семейством ходили в клуб — в кино. По будням маршрут один и тот же: у детей дом — школа — дом, у родителей дом — работа — дом.

С вечера по местному радио предупредили: завтра ожидается сильная пурга, детей в школу не отправлять. Ну что ж, не первый и не последний раз.

Утро началось с мысленных сетований: чёрт возьми, где моё беззаботное детство? Детвора сладко посапывала в кроватках, муж тоже спал — у него вторая смена. А я, горемычная, едва вылезши из тёплой постели, должна тащиться неизвестно куда. Точнее сказать, очень даже известно куда. И это в метель, когда хороший хозяин собаку на улицу не выгонит...

Вдруг в полусонную голову пришла мысль, после которой я проснулась окончательно: вне зависимости от того, плох местный хозяин или хорош, сейчас и здесь это выражение не работает! Тут же выплыл вопрос: только ли к этой поговорке относится моё маленькое открытие? Не на шутку озадачившись и тут же (за немением времени на обдумывание) уте-

шившись следующей поговоркой, что-де кто рано встаёт, тому бог даёт, оделась и вышла в коридор. Открыть входную дверь из-за напора ветра не удалось. Налегла на неё всем корпусом, чуть приоткрыла и протиснулась в образовавшуюся щель на свет божий (опять вопрос, на свет ли?). Дверь за моей спиной, тупо хлопнув, тут же вернулась в объятия родного проёма. Попробуй теперь открой!

Матерь божия, что творится! Меня с моим цыплячьим весом и ростом, который остряки называют «метр с шапкой», немилосердная тётушка Пурга мгновенно и не очень нежно подхватила под пушисты рукава и снесла с крыльца. Подошвы пим¹, подшитые простым войлоком (вот ведь халтурщики — камус^{II} сэкономили!), предательски скользили по рёбрам ступенек, не задерживаясь ни на одной. Хрясь! Приземлилась — на спину, затылком на ступеньку. На какое-то время от неожиданности и боли захватило дух. Придя в себя нацупала нижнюю ступеньку, вцепилась в перильце и — ура, встала! Вперёд, полярница новоявленная! Иду, вернее сказать, бреду...

Все эти борения сопровождалась мысленными проклятиями того дня и часа, когда не в чью другую, а именно в мою бедовую головушку пришла идея поработать в Заполярье. И вот, добилась — работаю... на всю катушку... особенно сейчас, в поте лица пытаюсь пробиться сквозь ветер. А он, зверина, остервенело рвал подол шубы. Казалось, нижняя пуговица выскочила из петли — шуба увеличила парусность. Хотела застегнуться, наклонилась... этого только не хватало — пуговицы нет на месте, оторвалась. Не сумев удержаться на ногах, упала от резкого порыва ветра, который чёрной растрёпанной требухой потащил по белому полю. Колочий снег лупил по глазам, не видно ни зги, ориентация потеряна. Но ведь это же улица, где-то совсем рядом должны быть спасительные дома... вот что-то твёрдое ударило в бок, схватилась за это «что-то», но по закону подлости толстая варежка соскользнула с руки. Успела сообразить: лечу куда-то вниз, кубарем...

Кажется, прибыла «в пункт назначения». Хотелось бы ещё знать — куда. Скорее всего, я угодила в глубокий овраг, который за посёлком тянулся к Енисею. Значит, я, одурев от падения с крыльца, пошла не в посёлок, а в тундру. Встала: в одной варежке, под расстёгнутой шубой полно снега.

К моему удивлению, ветер здесь был не такой сильный, идти можно, от этого и мороз чуть слабее. Первым делом отряхнула снег со свитера, пока тот не намок, застегнулась на оставшиеся две пуговицы, собралась с мыслями и пошла, куда глаза глядят. Так опять же, и это выражение в не работало: некуда им, глазам, глядеть — белая кутерьма не даёт.

Пыталась подняться по склону: раз, другой, третий... И раз, и другой, и третий сползала. Наконец-то поняла — затаея бесполезная, ничего другого не оставалось, как идти вдоль оврага, тогда, может быть, выйду к Енисею. Мысль казалась спасительной, но через секунду она повергла меня в ужас — посёлок расположен на высоком берегу, на том самом, откуда меня только что сдуло и на который непонятно, как взбираться. Увязая в снегу, медленно, но верно двигалась вперёд, пока не упёрлась в сугроб примерно в мой рост высотой. Из него едва видны концы кривых и жидких прутьев. Ох, как редко здесь можно встретить деревце, однако же, вот оно, стоит, родимое... Сил нет, ноги подкашиваются. Села, прислонилась к худосочному стволу, охватил ужас: обезумевшими оленями в загоне металась мысль, сталкиваясь друг с другом. Стало жалко не столько себя, сколько своих детей, но плакать нельзя: если ресницы склеит мороз, то открыть глаза уже не хватит сил. Чувствовала себя мягкой игрушкой в ру-

ках озлобившейся хозяйки-стихии, готовой крушить всё и вся. Что может сделать против природы беспомощный и ничем не защищённый человек, самонадеянно возомнивший себя её венцом? Вот она я — венец, которому (Господи, сохрани и помилуй, каламбур-то чёрный!) приходит конец. В мозгу вдруг обнадёживающе пронеслось: Бог не выдаст — свинья не съест. И следом: а если и это не сработает? Стоп, без паники! Надо передохнуть и успокоиться.

Тихо и тепло. Слабым эхом доносятся слова из сказки: «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, милая?» Что за напасть? Послышался скрип полозьев (кажется или в самом деле?) и чьи-то шаги. Огляделась по сторонам, но вместо красавца Деда Мороза в роскошной шубе и с посохом, увидела тёмные очертания нескольких фигур, судя по росту, детских. Что они здесь делают? Один из них подошёл ко мне так близко, что я хорошо различала черты его бледного, совсем не детского лица и цвет светло-голубых, почти белых, глаз. Маленький человек пристально смотрел на меня, шевелил губами, звука не слышно, но что он говорил, поняла: «Мы не дети. Но дети у нас тоже есть».

Ну и чудеса! Откровенно рассмотрела незнакомцев: малицы^{III} из пушистых шкур, на ногах бокари^{IV} из нерпы. Молча удивилась: «А росточком-то вы, ребята, совсем не удались!». «Мир силён многообразием, — последовал несколько возмущённый ответ, — ты же не будешь нам сейчас доказывать, что высокий рост важнее ума? Или смекалки? Или силы и ловкости?». «Не буду», — покорно согласилась я. Малорослая ватага помогла мне подняться и сесть в стоявшие тут же нарты, запряжённые длинношёрстными животными, похожими на больших собак. Мы отбыли туда, не знаю куда.

Теперь вместо заснеженной тундры волею, сверху и по бокам нас окружали нависавшие или торчавшие снизу ледяные напльвы, которые казались причудливыми, стоящими на страже чудовищами. Они коротко врывались в луч света факела, что был в руках одного из мужчин, и тут же уплывали снова во тьму. Фантазматическая ледовая царства сменилась сонным покоем: что-то типа огромного тёплого и светлого зала, причём непонятно откуда исходил свет. Стены и потолок отливали голубизной. Наверху хорошо видны неравномерные, причудливо выходящие широкие жёлтые и серебристые полосы. На стенах — далеко и беспорядочно разбросанные зелёные, красные и сиреневые пятна-разводы, от них тянулись прожилки, сплетавшиеся в сложный орнамент. Зал напоминал осенний луг в старой деревне: вглубь расходились серые холмики, словно стога сена. Одно существенное отличие: на полу не стерня, а мозаика из цветных камней.

Мы проехали к центру зала и остановились возле самого большого холмика, который оказался хижинкой. Наклонилась. Вошла. На большой шкуре белого медведя сидела, скрестив ноги, старушонка. Перед ней курился очаг. Повинуясь её царственному жесту, села напротив. Она протянула мне полоску копчёного мяса и кружку с маслянистой жидкостью.

— Нерпичий жир, — сказала она, — нужно выпить.

Пока грызла жестковатое мясо и с внутренним содроганием пила жир (нельзя обидеть хозяйку), женщина заговорила:

— Мы народ нижнего мира. В нашем мире много племён. Эта пещера — стойбище моего племени. Я — старейшина, мать и властительница. Все пещеры связаны между собой ходами. Население каждого стойбища несёт свою вахту. Наше племя ответственно за драгоценные камни, соедемнее — за рудные залежи, а где-то далеко есть племена, которые охраняют нефтяные озёра и сердце мира — подземный огонь. Так было всегда. Последние столе-

тия нам всё труднее выполнять свою работу. Неразумные люди среднего мира, откуда пришла ты, расхищают наши богатства. Вы умеете только брать от природы. Вы не бережёте её. Не одумаетесь — погибнете сами и погубите нас.

Она вздохнула, потом продолжила: — Редко кто из людей видит нас. Далеко не каждый шаман имеет доступ в наш мир. Но ты, обычная женщина, здесь. Хочешь знать, почему? Посмотри туда!

Я повернулась в сторону, куда старуха указывала пальцем. Догадалась, что это так называемый чистый угол — место в чуме, где хранятся наиболее ценные вещи. К своему удивлению, на плитке камня цвета прозрачной бирюзы увидела несколько фигурок, очень похожих на те, что стояли на моём столе. Нет, они не просто похожи, вне сомнения — все сработаны одним ваятелем. Как-то осеню мы всем семейством пошли в тундру за грибами, и я нашла на вершине дальней сопки три странных фигурки из тёплого камня. Очень уж привлекли они меня, я тогда обошла весь посёлок с вопросом, что это могло быть, но ни один старожил не смог дать вразумительного ответа.

— Это святыни. Злой шаман похитил у нас три наших божества. Мы долго искали их, потом нашли. У тебя. Ты вернёшь их нам. Это очень важно. Моё время в нижнем мире подходит к концу. Скоро я отбуду в другой мир — верхний. Я уйду по вертикальному тоннелю. Моё племя уже приступило к его строительству. Но народ не может остаться без родоначальницы — матери. Иначе он перестанет быть народом. Моё место займёт другая женщина. Мать получает силу и права правления, а её народ благоденствие, но только в том случае, если все божества живут в её доме. Ты ведь тоже мать, ты поймёшь меня.

Я обещала. По возвращении домой мне рассказали, что пурга лютвала двое суток, и как только стихла, начались поиски. Странное дело — я мирно спала в овраге, около карликового деревца, которое было окружено стеной из плотно спрессованного снега. Нашли меня достаточно быстро: по призывному лаю большого чёрного пса, который, видимо, всё это время согрел меня своим теплом. Когда люди подошли совсем близко, пёс бросился прочь, в тундру. Только его и видели. В наш дом он больше не приходил.

Трудно сказать, кто сильнее радовался моему возвращению, дети или Гера. Собака всё норовила лизнуть меня в лицо и поскуливала в ухо так, словно что-то рассказывала. Обещания, данное маленьким человечкам, я выполнила. Пусть будет мир их дому, да и нашему тоже. По весне я отнесла фигурки в тундру, туда, где они были найдены.

Долгие годы это удивительное путешествие было моей тайной. Теперь я открыла её, хотите верьте, хотите нет. Я могла бы показать и содержимое шкатулки, которая спрятана в ящике письменного стола. В ней лежат варежки, украшенные вовсе не бисером, а камешками со сверкающими гранями, и ещё пуговица филигранной работы из жёлтого металла. Та самая, которую я обнаружила на поле своей шубы, на месте старой, оторвавшейся. Но делать этого не буду. Эти вещи — свидетели моего спасения, для меня они равноценны святыням, а святыни не выставляют на всеобщее обозрение. Если уйти от громких слов, они — память о необыкновенном крае, который вот уже более тридцати лет приходит ко мне во снах и воспоминаниях.

Совсем недавно мир облетела сенсационная новость: в тундре, недалеко от тех (когда-то наших) мест, обнаружили в земле огромное колодеобразное отверстие с гладкими стенками. Дно просматривать не удаётся, происхождение неизвестно. Учёные ломают голову — что да как. И только один человек знает, что на самом деле произошло, — это я.

¹ Пимы — сапоги из оленьей кожи мехом наружу.

^{II} Камус — часть шкуры с жёсткой шерстью, снятой с нижней части ноги оленя.

^{III} Малица — верхняя одежда, как правило, из оленьих шкур, мехом внутри, иногда из двух слоёв — мехом внутри и наружу.

^{IV} Бокари — мужская обувь мехом наружу, как правило, из камуса оленя.